УДК 338.24.021.8

25 ЛЕТ РЕФОРМ: ИСТОКИ

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.

Проведен экскурс к истокам экономических реформ в современной России, временной интервал которых 25 лет. Показано, что и в политике, и в экономике попытки реализовать концепцию «конвергенции», надежды на возможность имплантации демократии в тоталитаризм, а рынка в централизованное управление не оправдались, и к 1991 г. была достигнута критическая масса последствий непродуманных решений и поспешных действий; при этом для регионов фатальной стала невозможность поддержания межотраслевых договорных связей, что трансформировалось в разрушение сложившихся за десятилетия отношений между центром и регионами. Предложено рассматривать в журнале «Пространственная экономика» в 2017 г. разнообразные вопросы развития экономики России в течение прошедшей четверти века, чтобы получить системное представление об исходных пунктах, трендах, удачных и неудачных решениях, так как только на этой основе может быть разработана каноническая модель российской общественно-экономической трансформации, в которой каждый регион представляет собой важнейший элемент общей системы познания и построенной на ее основе ресурсной и институциональной политики.

Реформа, кризис, 25 лет, истоки, политика, общественно-экономическая трансформация, регион, Россия.

DOI: [10.14530/se.2017.1.007-016](https://doi.org/10.14530/se.2017.1.007-016)

2 января 1992 г. началась реализация кардинальной экономической реформы в России. Завершился короткий, но разрушительный период, в течение которого политический авантюризм и экономический радикализм соревновались в придумывании все новых экспериментов, конечной целью которых был демонтаж как «базиса», так и «надстройки» в терминологии марксизма. И в политике, и в экономике попытки реализовать концепцию «конвергенции», надежды на возможность имплантации демократии в тоталитаризм, а рынка в централизованное управление рухнули, как показалось, неожиданно и случайно. Но прописная истина, в соответствии с которой случайность есть всего лишь форма проявления закономерности, не оставляет иллюзий относительно альтернативного исхода событий 1986–1991 гг.

Черета фатальных ошибок, порожденных заблуждениями, амбициями, невежеством, трусостью, алчностью, честолюбием, породила цепную реакцию разрушительных решений и действий. К 1991 г. была достигнута критическая масса последствий непродуманных решений и поспешных действий.

Для регионов фатальной стала невозможность поддержания межотраслевых договорных связей, что трансформировалось в разрушение сложившихся за десятилетия отношений между центром и регионами. Фактически оказались заблокированы каналы получения привычных централизованных фондов и соответствующих им товарных поставок из регионов-производителей. Нарушение традиционных связей в результате политических конфликтов, системного разрушения дисциплины плановых поставок продукции, эрозии системы ценообразования в условиях легкомысленно вброшенного в экономическую среду тезиса о неограниченной свободе производителя и призыва к самофинансированию государственных предприятий привело уже в I квартале 1991 г. к снижению объемов промышленного производства.

Повышение цен в I квартале 1991 г. не способствовало оптимизации структуры цен, но развязало инфляцию и создало угрозу разрыва воспроизводственного цикла, обозначив углубляющуюся диспропорцию между ценами производителей и платежеспособным спросом потребителей. На рынках производителей возник угрожающий структурным кризисом временной разрыв спроса и предложения, а на потребительском рынке обозначилась угроза кризиса спроса (рост доходов населения составил за 1991 г. лишь 190% при темпе роста цен в сфере производства в 218%), которая вполне реализовалась после проведения конфискационной реформы цен в 1992 г.

Распад хозяйственных связей и инфляционные ножницы заставили производителей перейти к стратегии снижения объемов производства в физическом измерении, что позволяло снизить риски недопоставок, повышения цен, которое компенсировало сокращение физических объемов, конвертации фондов накопления в фонды потребления. Стремительно возникшая и проникавшая все глубже в экономику система «ни плана, ни рынка» освободила предприятия от «оков плана», но не дала им реальной свободы рыночного маневра. Доступен был лишь один маневр – увеличение денежных доходов работников и повышение совокупных доходов в доступных и разнообразных формах (внешнеторговый бартер, в частности). Перекачивание фондов накопления в фонды потребления началось интенсивно с 1987 г.

Такая стратегия привела к ускоренному проеданию основного капитала. С 73,6% в 1985 г. доля потребления повысилась до 79,3% в начале 1990-х гг. Реальные масштабы накопления стали отрицательными.

Снижение производства начало приобретать катастрофические размеры.

Официально стоимостной объем промышленного производства сократился в 1991 г. на 5–7%. Фактическое падение производства было значительно больше. Добыча нефти и угля сократилась на 11%, производство продукции легкой и пищевой промышленности – на 11–12%, закупки мяса – на 18%, молока – на 14% и т. д. Уже в 1991 г. ситуация в военно-промышленном комплексе начала приобретать очертания катастрофы. Снижение военных заказов еще не стало необратимым, но производство на военных заводах уже начало снижаться [3].

Падение производства и политические междоусобицы резко уменьшили поступление доходов в бюджет государства, что привело к сокращению размеров государственных капиталовложений.

Падение производства и рост цен обусловили быстрое развитие stagflation, ситуации, в которой всеобщий дефицит был традиционно знаком и потребителям, и производителям, но быстрый рост цен являлся совершенно новым явлением. Стало стремительно падать доверие потребителей и производителей к рублю, и в условиях быстрого нарастания всеобщего дефицита появилась система инстинктивной защиты от обесценения денег и оттока товарной массы с локальных рынков – замена товарно-денежных операций чисто товарными или бартерными сделками, которые давали гарантию если и не стабильности цен, но физического обмена товаров, гарантировали, что процесс обмена не прервется на стадии «товар – деньги».

Нарастание дефицита на потребительском и продовольственном рынках и неуверенность в возможности пополнить запасы за счет государственных фондов или плановых поставок производителей заставили регионы и республики срочно приступить к выработке мер по защите региональных потребительских рынков. Такие меры были найдены в форме введения талонов и нормирования потребления на территориях. Это была форма защиты товарных запасов.

Центральное правительство уже не могло бороться с разрушительными тенденциями (или не знало, как это делать), ограничиваясь ситуативной реакцией. В частности, Дальнему Востоку была предоставлена возможность формировать собственно региональные фонды для бартерного обмена внутри страны и за рубежом.

Война законов, политическая нестабильность, постоянные смены экономических курсов при неизменном увеличении от развязывания рук предпринимательству и создания цивилизованных форм рыночных отношений так и не позволили занять предпринимательскому негосударственному сектору экономики достойное место в общественном производстве. В результате, когда начал развиваться кризис государственной экономики, негосударственный сектор не был готов ни по своим размерам, ни по степени

доверия к нему со стороны населения выступить альтернативной силой, способной компенсировать распад государственной социально-экономической машины.

В этих условиях была предпринята попытка реставрации существовавшей до 1989–1990 гг. системы государственной экономики. Попытка оказалась обреченной на провал уже потому, что основы этой экономики были подорваны. Еще могла быть воссоздана командная экономика, но уже только как «командно-частнокапиталистическая». Слишком многие вкусили сладкий плод самостоятельности и собственности, которая еще не была вполне частной, но уже и не вполне государственной. А перспектива на этом пути уже была ясна – переход государственной собственности под контроль наиболее активных и напористых лиц и групп. В этих условиях не нашлось практически ни одной социальной группы, которая бы сколько-нибудь определенно и эффективно поддержала попытку реставрации с совершенно неясными и потому подозрительно похожими на пугающие стереотипы целями.

Крах путча резко ускорил процесс легитимизации назревших экономических реформ и завершение политического процесса распада союзного государства.

Судьба и стратегия реформы были predeterminedены в августе 1991 г. Идеология реформы была продиктована интересами тех сил, которые уже являлись к августу наиболее активными действующими фигурами фактической реформации экономики, стратегия реформы и была продиктована в основном ожиданиями этих групп в значительно большей степени, чем решениями Международного валютного фонда и других «спонсоров». Реформу хотели все, но все ее представляли по-разному.

Соответственно, в тактике реформы сразу же обнаружились серьезные расхождения. Для государственных промышленных баронов и нового предпринимательства главным было создание экономического базиса капитализма. Для этого нужно было реализовать лозунг «либерализация + приватизация всей России». Но с собственно экономической точки зрения стояла задача остановить сползание национальной экономики в кризис. Под таким лозунгом проводилась и «перестройка» в 1986–1991 гг. Но попытки приостановить развитие экономического кризиса путем стимулирования научно-технического прогресса, наполнения товарного рынка через увеличение объема производства и стимулирования трудовой активности занятого населения не увенчались успехом, зато привели к нерегулируемому нарастанию кризисных явлений к концу 1991 г. Главной причиной явилось отсутствие рыночных регуляторов экономической активности при полном параличе командного регулирования.

Создание системы рыночных регуляторов и формирование эффективной системы регулирования были возможны различными способами. Выбран был наименее разумный – шоковая терапия [4], которая привлекала реформаторов иллюзией решения за короткий период двуединой задачи: 1) разрушения системы государственного регулирования, 2) создания приемлемой для международного финансово-экономического сообщества системы регулирования и финансовой системы.

Существует два принципиально различных способа восстановления макроэкономической сбалансированности [1]: 1) замораживание доходов и концентрация усилий на производстве потребительских товаров; 2) регулирование денежной массы, которое может быть осуществлено как путем конфискационной денежной реформы, так и за счет систематического воздействия на финансово-кредитную систему в желательных для правительства направлениях. Ограничение денежной массы приводит к тому, что хозяйство начинает испытывать нехватку денег, в результате чего придется ограничить бюджетные ассигнования, следствием этого явится сокращение неэффективных производств и неизбежная в таком случае безработица.

Оба пути к равновесию ведут к изменению структуры производства. Стабилизационный путь – за счет ускоренного развития потребительского сектора, дефляционный – за счет сокращения производства в сырьевом и инвестиционном секторах и образования свободных ресурсов, которые могут переключиться на виды деятельности, продукция которых пользуется спросом. Дефляционный путь короче, но и жестче. Структурная перестройка теоретически происходит в этом случае быстрее, но оплачивается беспрецедентным ростом социальных издержек.

Россия, точнее ее правительство, выбрала путь дефляционного шока, надеясь за счет резкого разового повышения цен выйти на нулевой бюджетный дефицит и снять инфляционный «перегрев» экономики.

Самым страшным последствием либерализации цен в условиях супермонополизированной экономики справедливо полагалась инфляция. В попытке подавить инфляцию задействовали классические монетарные инструменты: ограничение денежной массы и ужесточение условий кредитования. Теория обещала, что это приведет к снижению спроса, сокращению темпов создания новых рабочих мест, приостановке роста издержек производства, в первую очередь заработной платы, изменению технологий, ассортимента и качества продукции и к прочим структурным перестройкам в экономике, уменьшению инвестиционного «перегрева» экономики. Однако это – теория совсем не российской экономики.

В России не было обычно предшествующего классическому кризису

инвестиционного «перегрева». Наоборот, уже ряд лет отмечалась декапитализация экономики, проедание основного капитала. Поэтому на деле, не имея реальных возможностей структурного маневра, государственные предприятия получали только одну возможность экономить на издержках – сокращать рабочие места. Стратегия предприятий оказалась мудрее стратегии правительства. Рабочие места, хотя и сокращались, но совершенно неадекватно сокращению спроса и нарастанию финансовых трудностей предприятий. Это во многом предотвратило социальные потрясения в первые месяцы начала реформы. Это же заставило предприятия поддерживать определенный уровень производства, который хотя и стремительно упал (на 14% за I квартал 1992 г.), но тоже неадекватно степени сокращения совокупного спроса.

Все это, естественно, привело к быстрому возникновению финансового кризиса предприятий государственного сектора. Ни один из запроектированных компенсаторов не сработал, зато кризис государственных финансов превратился в кризис фирменных финансов. Стала катастрофически расти задолженность предприятий государственного сектора. Предполагалось, что с ростом ставки процента предприятия начнут снижать издержки. Но вместо этого они просто перестали платить по счетам. Теоретическое оздоровление денежного рынка было заменено его коллапсом. При отсутствии платежных средств предприятия стали просто игнорировать таковые, долги стали своеобразными новыми деньгами.

На деле эффективной оказалась лишь одна сторона снижения покупательского спроса: сокращение социальных программ и сдерживание роста заработной платы в бюджетной сфере. Поскольку в целом рост доходов населения не был ограничен, то в хозрасчетной сфере на прирост доходов была пущена и значительная часть прибыли, получаемой за счет монопольного завышения цен. В результате рост доходов работников хозрасчетных предприятий стал одним из существенных элементов инфляционного давления. Сохранение жесткого ограничения доходов в бюджетной сфере стимулировало социальное расслоение и прогрессирующее обнищание наиболее незащищенной части населения.

Срыв экономики в стагфляционную спираль произошел гораздо быстрее, чем могли хотя бы теоретически начать действовать запроектированные компенсаторы и стабилизаторы.

Все жертвы оказались напрасны с точки зрения основной цели – достижения нулевого дефицита бюджета как основы для стабилизации денежного рынка и финансовой сферы в целом. Колоссальный рост задолженности предприятий, которая составила к середине 1992 г. почти 3 трлн руб., заставил частично отказаться от жесткого дефляционного регулирования. Но

непоследовательность и попытки сохранить верность монетаристской религии только ухудшили ситуацию. Некоторое увеличение размера кредитных ресурсов Центрального банка при сохранении жесткого кредитно-финансового и налогового пресса не решило проблему неплатежей, но привело к настойчивым требованиям дальнейших дотаций и кредитов. Были введены дотации на некоторые виды продукции и услуги ввиду опасения социального взрыва, была повышена заработная плата в бюджетной сфере. Результат был плачевен. Оздоровление экономики не было достигнуто, а иллюзия финансовой стабилизации была утеряна.

При плановой цифре 10 млрд руб. за первую половину 1992 г. дефицит бюджета составил 101,3 млрд руб., или 7,5% от ВВП, за 8 месяцев – около 800 млрд руб. [5; 7, с. 134–143; 6, с. 170].

Неудивительно, что в таких условиях методологическая основа реформы и ее результаты подвергаются самой ожесточенной критике. Рассмотрим ее наиболее принципиальные моменты.

В ходе многочисленных обсуждений различных моделей перехода к рыночному механизму регулирования была выработана более или менее признаваемая всеми определенная последовательность шагов, которые необходимо было предпринять [2]:

- преобразование отношений собственности (приватизация);
- финансовое оздоровление, стабилизация денежной системы и укрепление рубля;
- активная антимонопольная политика, создание конкурентной среды и рыночных структур;
- обеспечение эффективной занятости и социальной защиты низкодходных групп населения; либерализация цен;
- стимулирование внешнеэкономической деятельности и открытие экономики для интеграции в мировое хозяйство.

Главная проблема и причина провала шоковой реформы – не сам набор шагов, но их последовательность.

Либерализация цен и жесткая финансовая стабилизация в качестве первого шага была фатальной ошибкой, хотя сами младореформаторы считают наоборот [7, с. 117–122]. Этот шаг был основан на истовой вере в могущество монетаристской теории. Но она разработана для регулирования экономики рыночного типа, либо имеющей зачатки рыночных структур и условия для их развития. В этом случае оказываются возможными включение рыночных регуляторов и последующая саморегуляция развития. В России либерализация цен началась в условиях жестко централизованной командной экономики, в которой преобладающим типом производителя является монополист. После полугода реформ 95,1% от общего числа предприятий в

России все еще составляли государственные предприятия, и лишь 3,6% негосударственных предприятий являлись частными.

Переход к свободным ценам на деле означал прямое государственное повышение цен, хотя формальная процедура его была перенесена на уровень предприятий. При существующем в стране супермонополизированном производстве вполне естественно поведение предприятий-монополистов в условиях освобождения цен, когда цены подскочили в 20–30 раз, по отдельным продуктам – в сотни раз. В результате рентабельность предприятий в промышленности выросла с 23,1% в 1991 г., когда в ней уже была заложена в значительной мере инфляционная составляющая, до 64,7%, за I квартал 1992 г.

После разового повышения цен в январе темпы инфляции в феврале – апреле оставались по-прежнему достаточно высокими, их снижение в мае – июле было объявлено как обуздание инфляции, однако обусловлено оно в большей мере было кризисом наличности, и после смягчения ситуации с наличными платежами последовал новый инфляционный виток.

В итоге общий индекс цен января 1992 г. к январю 1991 г. составил почти 1300%, в августе – 1560% (по отношению к августу 1991 г.), при росте заработной платы рабочих и служащих в 10,6 раза [8].

К концу 1992 г. явно обнаружилось, что ожидания «немедленного светлого будущего» не просто не оправдались, но это светлое будущее может и вообще не наступить. Только тогда начало наступать прозрение, понимание того, что на пути к рынку подстерегает множество ловушек, неоднозначных результатов и непредвиденных потерь. Положение усугублялось тем, что начавшаяся экономическая реформа, а по сути дела экономическая и политическая революция, началась без четкого плана, руководствуясь лишь общими рекомендациями и предположениями. Существовала лишь общая идея, а детали прорабатывались и узнавались лишь по мере продвижения к рынку, угрозы предоставлялись времени или судорожно парировались по общим лекалам, не имеющим часто отношения к конкретной политико-экономической ситуации в России [4, с. 16].

Все вышесказанное в полной мере относилось и в этот, и в последующие периоды к региональным социально-экономическим системам, в частности к Дальнему Востоку. Это предопределило сложнейший и весьма болезненный процесс преодоления и поисков рецептов и решений. Эти процессы имели свои особенности в отдельных регионах. Описание как самих процессов перестройки общественного бытия, так и их региональных особенностей является чрезвычайно важной задачей не только для истории, но и для правильной диагностики накопившихся проблем и возможных способов их решений.

Весь 2017 г. в журнале будут рассматриваться разнообразные вопросы развития экономики России в течение прошедшей четверти века, чтобы помочь читателю получить системное представление об исходных пунктах, трендах, удачных и неудачных решениях, так как только на этой основе может быть в конечном счете разработана каноническая модель российской общественно-экономической трансформации, в которой каждый регион представляет собой важнейший элемент общей системы познания и построенной на ее основе ресурсной и институциональной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богачев В.Н. Кризис и рынок // Экономические науки. 1991. № 12. С. 49–55.
2. Бороздин Ю.В. Альтернатива необходима и имеется // Российский экономический журнал. 1992. № 8. С. 42–54.
3. Концепция выхода из кризиса и стимулирования социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья в условиях международной кооперации / под ред. П.А. Минакира // Приамурские ведомости. 1991. № 118. С. 3–5. № 119. С. 6–8.
4. Минакир П.А. Системные трансформации в экономике. Владивосток: Дальнаука, 2001. 536 с.
5. Ослабление финансовой политики нарушило начавшуюся стабилизацию // Известия. 1992. 14 сентября.
6. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. 304 с.
7. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1991–1997 гг. М.: Институт экономических проблем переходного периода, 1998. 1114 с.
8. Экономическая реформа на Дальнем Востоке: результаты, проблемы, концепция развития. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 1993. 167 с.

25 YEARS OF ECONOMIC REFORMS: ORIGINS

P.A. Minakir

Minakir Pavel Aleksandrovich – Academician, Doctor of Economics, Professor, Research Supervisor. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.

The article considers the origins of economic reforms in modern Russia over the period of 25 years. It is shown that by 1991 consequences of unreasoned decisions and hasty actions have reached their culmination point and both political and economic attempts to realize the concept of ‘convergence’, to implant democracy in totalitarianism and the market in a centralized system of management have failed. At the same time it was impossible for the country’s regions to maintain the inter-industry contractual communications and that had destroyed the ‘center – regions’ relations which had developed over the previous decades. The study and discussion of

issues of the last 25 years of reform in Russia are proposed as the main theme for the journal 'Spatial Economics' in the year 2017. The goal of such studies and discussions should be to achieve a systemic impression about sources, trends, successes and failures of reforms, as only on this basis the initial model of the Russian socio-economic transformation can be developed. The researcher presumes that this model reviews each region as the most important element of the general system of knowledge and the resource and institutional policy constructed on its basis.

Keywords: reform, crisis, 25 years, origins, policy, socio-economic transformation, region, Russia.

REFERENCES

1. Bogachev V.N. The Crisis and the Market. *Ekonomicheskie Nauki* [Economic Science], 1991, no. 12, pp. 49–55. (In Russian).
2. Borozdin Yu. Alternative is Necessary and Available. *Rossiyskiy Ekonomicheskiy Zhurnal* [Russian Economic Journal], 1992, no. 8, pp. 42–54. (In Russian).
3. The Concept of Out of the Crisis and Stimulating of Socio-Economic Development of the Far East and Transbaikalia in Conditions of International Cooperation. Edited by P.A. Minakir. *Priamurskie Vedomosti* [Priamurskie Vedomosti], 1991, no. 118, pp. 3–5, no. 119, pp. 6–8. (In Russian).
4. Minakir P.A. *Systemic Transformation in the Economy*. Vladivostok, 2001, 536 p. (In Russian).
5. Weakening of Financial Policy Violated the Incipient Stabilization. *Izvestiya* [News]. 1992, 14 September. (In Russian).
6. Stiglitz J. *Globalization: Disturbing Tendencies*. Moscow, 2003, 304 p. (In Russian).
7. *Economics of Transition. Essays on Economic Policy in Post-Communist Russia* (1991–1997). Moscow: Institute for the Economy in Transition, 1998, 1114 p. (In Russian).
8. *Economic Reform at the Far East: Results, Problems, Development Concept*. Khabarovsk: Economic Research Institute FEB RAS, 1993, 167 p. (In Russian).

Для цитирования: Минакир П.А. 25 лет реформ: истоки // Пространственная экономика. 2017. № 1. С. 7–16. DOI: [10.14530/se.2017.1.007-016](https://doi.org/10.14530/se.2017.1.007-016).

For citation: Minakir P.A. 25 Years of Economic Reforms: Origins. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2017, no. 1, pp. 7–16. DOI: [10.14530/se.2017.1.007-016](https://doi.org/10.14530/se.2017.1.007-016).